

У входа неподвижно стоял маленький тёмный силуэт — будто заблудшая душа, оторванная от мира. Пустой, жалкий взгляд, словно и трава под ногами, и мягкий прохладный ветер, и пышное вечернее небо — всё это давно его покинуло.

Этот ребёнок... в памяти прежнего хозяина тела почти не было сведений о нём. Лишь изредка мелькали обрывочные картины: лица не видно, только согнутая под тяжестью спина, высокая связка дров и корзина, доверху набитая свиной травой.

«Если ты сдержишь слово, - сказал Чжоу Ци, - я тоже сдержу».

Пусть этот жалкий ребёнок станет его проводником.

Хэ Бянь, склонив голову, притворно всхлипывал, но при этих словах замер. Краем глаза он украдкой взглянул на вытянувшуюся перед ним тень. Значит, этот человек мягок к слабости, а не к силе.

Он крепко обхватил колени и незаметно ущипнул себя за бедро — боль тут же вызвала поток настоящих слёз. Запинаясь и явно непривычно, он проговорил:

«Я... с детства без родителей... а потом меня всё время обижали... Это впервые, когда кто-то готов мне помочь. Спасибо тебе... брат... ты прямо такой старший брат, о котором я мечтал... тот, кто защитит меня».

Чжоу Ци смотрел на него сверху вниз, без всякого выражения.

Лицо Хэ Бяня невольно залилось краской, взгляд заметался.

«П-прости... я не специально назвал тебя братом... просто я неграмотный, не знаю, какими иероглифами пишется твоё имя, боялся ошибиться».

С первого взгляда было ясно — этот ребёнок не умеет ни ластиться, ни льстить.

Чжоу Ци никогда не видел, чтобы люди, притворяясь милыми, прятали в слезах столько ненависти, злобы и расчёта.

Но тот, кто способен обмыть и привести в порядок тело умершего... — редкость.

«Веди» - сказал Чжоу Ци.

Хэ Бянь тут же обрадовался — этот дурак и правда клюёт на такое.

Он уже решил, что понял его насквозь, и, не скрываясь, принялся разглядывать мужчину — чем дольше, тем больше ему нравилось увиденное.

И даже когда их взгляды встретились, он больше не почувствовал ни неловкости, ни страха.

Он чувствовал себя так, словно одержал победу — впервые в жизни ему было так легко.

Рядом с этим дураком ему не нужно было ломать голову над тем, что сказать или сделать, чтобы понравиться; не нужно было изо всех сил доказывать свою полезность и стараться заслужить похвалу.

Рядом с ним он мог расправить руки и ноги, отпустить чувства, которые дома всегда приходилось сдерживать.

Рядом с ним он мог просто быть самим собой.

В этот миг Хэ Бянь понял, почему говорят: у жалкого человека обязательно есть что-то отвратительное.

Разве не так? Его отвратительность в том, что он вечно заискивает перед другими. Сам себя не ценит, а всё надеется, что в этом мире найдётся кто-то, кто искренне его полюбит.

Он возлагал свои прекрасные ожидания, жажду тепла — на других, словно нищий, выпрашивающий подавание... Но в чём его вина? Никто не рождается умеющим, никто не рождается умным. Он всего лишь однажды ошибся, однажды оказался глуп.

На этот раз он не ошибётся.

Хэ Бянь уже ясно представлял, к чему приведёт то, что он приведёт дурака домой. Это почти был шаг ва-банк — против всей семьи Тянь и против всех сплетен деревни.

Слухи и пересуды могут загрызть человека... но ему уже было всё равно.

Когда они возвращались, был как раз вечер — время, когда уставшие птицы летят в гнёзда, а люди заканчивают работу и идут домой.

Крестьяне, возвращающиеся с мотыгами на плечах, один за другим смотрели на них, будто увидели призрак. Хэ Бянь вежливо улыбался и здоровался, но те лишь рассеянно кивали, не сводя глаз с высокого мужчины.

Раньше дурак всегда сутулился, выглядел примерно одного роста с остальными. А теперь, расправив плечи, казался настоящим великаном — такого роста в деревне никто и не видел, приходилось задирать голову, чтобы на него посмотреть.

На его фоне Хэ Бянь выглядел совсем как ребёнок.

Но Хэ Бянь уже не ребёнок — шестнадцать лет, пора заключать помолвку.

Когда он привёл мужчину во двор семьи Тянь, уставшие до изнеможения крестьяне вдруг словно ожили — плечи перестали болеть, спины выпрямились, лица засияли.

Собравшись по двое-трое, опираясь на мотыги, они оживлённо перешёптывались, размахивая руками.

«Ой, да это же тот дурак, которого несколько дней не было видно? Я уж думал, он умер, даже боялся мимо той хижины ходить».

«Как Хэ Бянь вообще осмелился привести его домой? Такое несчастливое существо — его отец же убьёт!»

«Хэ Бянь ведь добрый, мягкий... наверняка пожалел его и привёл к себе».

Старейшина Тянь сказал:

«Этот Хэ Бянь совсем без мозгов. Уже помолвлен, а всё равно тащит дурака в дом. Мы-то знаем, что он по доброте душевной, но если семья сюцая Чжана узнает — свадьбе конец».

«Что? Помолвка уже была? И ещё не сорвалась?»

Старейшина Тянь кивнул:

«Это мои догадки. Согласен он или нет — не важно. А вот Чжан Мэйлинь точно не захочет терять такую партию».

«Тогда в семье Тянь будет весело. Старший Тянь вспыльчивый — как узнает, может и с ножом погнать этого дурака прочь».

Хэ Бянь знал, что за его спиной сейчас тысячи слов, но какая разница. Солнце клонилось к закату, его тень вытянулась длинной полосой, в глазах отражался тёплый оранжево-красный свет. Он без колебаний повёл человека во двор.

Чжоу Ци слышал эти, казалось бы, приглушённые разговоры, и, глядя на мальчишку, едва доходящего ему до плеча, невольно подумал: словно нежный росток, который даже под ливнем и бурей всё равно пробивается наружу.

Ненависть часто разрушает человека.

Но в нём Чжоу Ци ощущал иное — его ненависть была словно степной пожар зимой, выжигающий гниль и застарелую слабость, страх и растерянность. Потому в его глазах сверкал огонь — и вместе с ним жила надежда.

Стоило им войти во двор, как уже чувствовалось преддверие бури — изнутри доносился тихий плач.

Чжан Мэйлинь приглушённым голосом сказала:

«Когда Хэ Бянь вернётся, сдержи характер, извинись перед ним, загладь вину. Не спорь с ним до тех пор, пока твой отец не вернётся».

Тянь Ваньсин был недоволен, но всё же побаивался Хэ Бяня. Особенно теперь, когда в деревне считали его хорошим человеком и даже ходили слухи, что он находится под покровительством предков семьи Тянь и способен призывать их дух.

Однако недовольство требовало выхода, и Тянь Ваньсин, надув губы, с раздражением сказал:

«Это всё потому, что вы с детства его больше любили! А теперь ещё и отдали ему в мужья сююя, а не мне! Кто тут вообще родной сын? Я просто на мгновение поддался и связался с ним — вот Хэ Бянь и взбесился».

«Глупый ребёнок, что ты несёшь» - ответила Чжан. «Весь дом всё равно будет твоим, мы же не выжили из ума. Я с самого начала просто уговаривала Хэ Бяня работать на нас. Посмотри: даже у зажиточного землевладельца из соседней деревни наёмным работникам дают два раза в день поесть — утром по пять больших паровых булочек, вечером по две миски белого риса, ещё и платят жалованье. Да и без присмотра они ленятся и отлынивают. Только свои могут работать не жалея себя. А у нас? Хэ Бянь с утра до ночи пашет, съев всего два хлеба и миску каши, вечером — жидкая похлёбка да квашенные овощи. Его не нужно подгонять — он сам с утра всё распланирует, ещё и спросит у меня разрешения, прежде чем что-то делать».

«Подумай сама: если нанимать работника на год, сколько денег уйдёт? А Хэ Бянь — как домашний раб, выращенный в семье. Разве это не выгодно и удобно? Я раньше тоже этого не понимала, - продолжила она, - но твой отец объяснил. Он много повидал, у него голова на плечах. За столько лет всё вышло именно так, как он и говорил».

Тянь Ваньсин задумался — и вдруг всё стало ясно. Он посмотрел на свои мягкие, ухоженные ладони и вспомнил грубые, шершавые руки Хэ Бяня. Когда они вместе ездили в город, люди и правда принимали Хэ Бяня за прислугу.

«Тогда почему ты раньше не говорила?» - обиженно пробормотал он, но гнев уже почти прошёл.

Чжан Циминь усмехнулась:

«Скажи я раньше — ты бы смог, как я, его уговаривать? С твоим-то характером? Ты бы не только не стал его задабривать — ещё и сам бы первым начал кичиться и заявил бы ему в лицо, что вся семья лишь пользуется им».

Тянь Ваньсин поджал губы, неловко вытер слёзы и, обняв Чжан Циминь за руку, начал льстиво и с обидой одновременно:

«Мамочка у меня самая лучшая... прости, я вчера не специально тебя ударил... это всё Хэ Бянь, этот мерзавец, виноват».

Чжан Циминь улыбнулась, но тут же поморщилась — опухшая щека отозвалась болью, и её лицо невольно исказилось.

«Думаешь, от матери что-то утаишь? Ах ты мой маленький тиран... только себя успокоишь — и сразу начинаешь меня задабривать. Какой бы ни был у тебя характер, ты всё равно моё сокровище».

Хэ Бянь стоял у двери и слушал эти откровенные слова, эту нежность, это баловство. Его ладони сжались в кулаки.

Вот что значит семья? Даже если они бьют друг друга, ранят словами — всё равно могут помириться, как ни в чём не бывало, и стать ещё ближе.

Он тихо прошептал:

«А я думал, они рассорятся... хотя бы на несколько дней».

Он думал, что победил.

А оказался всего лишь посмешищем.

В этот момент он даже позавидовал Тянь Ваньсину — позавидовал той самой связи между матерью и сыном.

Чжоу Ци, выслушав всё от начала до конца, понял и происхождение Хэ Бяня.

Неудивительно, что тот назвал его старшим братом — скорее всего, ему просто хотелось иметь кого-то, кто будет по-настоящему заботиться о нём, как родной.

Когда Хэ Бянь назвал его "братом", он не возразил — а среди людей это означало молчаливое согласие.

Раз уж принял — значит, должен соответствовать.

«Это они тебя обижают?» - спросил Чжоу Ци.

Он и был машиной: голос ровный, холодный, без всяких эмоций. Но в ушах Хэ Бяня эти слова прозвучали с явным оттенком убийственного намерения.

И в следующую секунду Чжоу Ци спокойно добавил:

«Тогда убьём их».

Глаза Хэ Бяня расширились от шока.

<http://bllate.org/book/17226/1612958>